

## 2

Это круглый сосуд с медным дном, петлеобразной ручкой и изогнутым носиком, похожим на кобру, которая подобралась перед броском. «Для чая» — вот все, что им сказали, а как именно им пользоваться «для чая», непонятно.

— Его даже ровно не положить, — в замешательстве произносит Харбанс, держа сосуд вытянутыми руками, как будто он может навести на нее порчу. — И крючков нет. Тут воздуха даже пукнуть не хватит.

— Листья кладутся внутрь, — говорит Гурлин, забирая мудреное приспособление у Харбанс, и таким тоном, будто человеку мало-мальски воспитанному все должно быть ясно как день.

— А что, ты уже пользовалась такими? — спрашивает Мехар, и Гурлин строит кокетливую мину, давая предположить, что да, пришлось как-то раз.

— Марля нужна, — говорит Харбанс. Она выдвигает ящик, щуря глаза в дневном сумраке комнаты. — Ой, боже мой. Всё для их троих высочеств, да?

— Потише, — предупреждает Гурлин.

— По куску марли над каждой чашкой? — с сомнением спрашивает Мехар.

Сообща, по-сестрински, они решают, что чай нужно сделать как обычно, в латунной кастрюльке на огне, потом сцедить в медный сосуд и уже оттуда перелить в чашки. Они действуют споро, лавируя в тесном пространстве — если встать посередине

и развести руки в стороны, пальцы коснутся стен. Их жилище — фарфоровая комната, которая угнездилась чуть поодаль от дома и названа так в честь набора из шести бело-синих тарелок в китайском стиле, стоящих высоко на каменной полке. Когда-то они приехали вместе с приданым Май. Гораздо ниже полки, на уровне пояса, проложена бетонная плита — женщины готовят на ней еду, — а еще ниже стоит глинобитная печка. К концу комната расширяется, так что можно поставить перпендикулярно друг к другу пару чарпоев: на этих плетеных кроватях всем трем и приходится спать.

— Вот морока, — говорит Харбанс, цедя чай в чайник. — Это мне больше посуды мыть.

— Так пьют чай англичане, — говорит Гурлин. — Май сказала.

Она с улыбкой рассматривает медную вещицу, любясь своим отражением на ее сияющем боку. Поворачивается в профиль.

— Очень даже красиво.

— Май ведет с тобой такие разговоры? — спрашивает Мехар, и они с Харбанс насмешливо переглядываются.

— Она ко мне очень хорошо относится. Думаю, я похожа на нее саму в молодости.

— Seriously? — говорит Мехар.

— Мы обе высокие. Стройные... — Гурлин поводит бровью в сторону Харбанс. — Мне кажется, я замужем за старшим.

— Естественно, — отзывается Мехар.

Надо признать, Гурлин такая и есть. Высокая, стройная — и красавица. Правда, ее красоту отличает некая терпкость: плотно сжатые губы, резкая линия скул — все чересчур, считает Мехар. После того как три новобрачные встретились и поговорили впервые, Мехар и Харбанс ушли, поправляя одежду,

точно Гурлин взглядом прощупала их на предмет возможного соперничества.

— Тогда давай, мини-Май, носи это, пока старшая Май не прибежала, — вмешивается Харбанс.

Удовольствие на лице Гурлин тает.

— А почему я?

— Ты сказала, что знаешь как, — напоминает Мехар, беря чайник и пытаясь всучить его Гурлин, которая сопротивляется.

— Мехар! — зовет Май. — Нам что, умереть от жажды?

Они леденеют, потом Мехар ахает и нащупывает вуаль.

Сквозь вуаль все видится в красной дымке: на искристом матовом фоне движутся тени-фигуры. Низко наброшенная ткань почти полностью скрывает лицо Мехар, и только уткнув глаза в пол она может видеть хоть что-то. И что же? Собственные запястья в белых и красных браслетах; руки и чайник; раскрашенную краской ступню и серебряные колокольчики вокруг щиколотки, которые звенят, пока она идет через подметенный двор. Руки у нее трясутся от страха опозориться, а значит, опозорить семью. Тогда ее ждет крепкая пощечина. В поле зрения попадает краешек стола, и Мехар останавливается, медлит, прислушивается, хотя сердце колотится так, что ничего не слышать. Ужасно жарко. Хочется есть. Сколько времени прошло с обеда? Она слизывает пот над губой. При ее приближении разговор за столом смолкает, словно ей вдруг решили выразить почтение.

— Пожалуйста, наливай.

Это точно его голос. Та же хрипотца и та же медная твердость. Кажется, он донесся справа. Она старается, не шевеля

головой, подсмотреть через верхнюю часть накидки, где ткань тоньше. Бесполезно.

— Ждешь, когда ангелы помочатся? — сухо спрашивает Май.

Так, они решили, надо наливать через змееносик. Мехар делает шаг вперед — на шиколотке звякают колокольчики. Одной рукой она слегка отодвигает от лица вуаль — и область видимого внезапно расширяется. Квадратный коричневый стол и четыре стеклянных стаканчика, обычные стаканчики, составленные в шеренгу. Нетерпеливо притаптывает Май, точнее ее нога в молочно-зеленой штанине. Рядом — трое ее сыновей, видных только от пояса вниз. Первый сидит, поджав одну ногу под себя. Другой — скрестив ноги. И третий: колени раздвинуты, пальцы барабанят по дубовой раме чарпоя. Она уверена, это его пальцы, они выглядят такими шершавыми. В мозолях. Мозоли! Мехар наклоняется и разливает чай, начиная с Май и дальше, вправо, с облегчением от того, что все идет гладко. Его стакан она наполняет последним, а пока льется чай, смеется и приподнимает вуаль еще чуть-чуть, и краснеет, увидев его красивые запястья, тунику, ладно облегающую торс, открытый воротник...

— Можешь идти, — говорит Май, зоркая Май, и Мехар тотчас роняет вуаль, которая снова закрывает ее губы, плечи, да так быстро, что запутывается в длинных ресницах; затем поворачивается и уходит.

### 3

В те вечера, когда никого не настигает шлепок по плечу от Май и приказ идти в заднюю комнату и ждать, Мехар ложится в фарфоровой на одну кровать с Харбанс. Гурлин занимает кровать одна, но она подвинула подушку вверх, так что они спят головами друг к другу. Сегодня Гурлин ерзает и вертится, как гепард, к которому пристала муха.

— Спи, — говорит Мехар. — Она подымет нас ни свет ни заря.

— Она меня подымет ни свет ни заря, — уточняет Харбанс, широко зевая.

— Тебе сам бог велел доить, Харбанс: руки коромыслом и спина как у буйвола, — говорит Мехар мрачным голосом, точь-в-точь как Май.

Харбанс смеется и с усилием переворачивается, боднув Гурлин, которая садится, подтянув колени к груди, и начинает покачиваться в темноте. Кровать скрипит.

— Спи, — снова говорит Мехар. — Хватит думать.

— Не могу, — отвечает Гурлин. А затем: — Не понимаю, почему я здесь оказалась?

— Я бы не стала так говорить, — Харбанс предостерегающе показывает на стену.

— Папа обещал мне богатую городскую семью. Сказал, я буду мемсахиб\*.

---

\* Почтительное обращение к замужней европейской женщине в Индии.

— А вместо этого ты здесь, — говорит Мехар, — на узкой кровати вместе с парой лишенных всяких иллюзий девушек, которым кажется, что они вышли в люди. Ты это хочешь сказать?

— Я другое имела в виду.

— Но звучит именно так. Мы теперь должны помогать друг другу.

— Ты подои за меня, а я подою за тебя, — добавляет Харбанс.

— Именно, — продолжает Мехар. — Ты что, еще дуешься из-за чайника?

От стыда у Гурлин снова щиплет глаза.

Они попросили еще чаю, но Гурлин преградила Мехар дорогу и заявила, что отнесет его сама. Она тоже способна произвести впечатление на мужа, кто бы из троих им ни был. Она низко опустила вуаль, прошествовала к столу, разлила чай действительно эффектно, изящно изогнутой струей, аккуратно и равномерно наполнив чашки. А потом один из братьев сказал:

— Мне не нужно. Можешь влить обратно.

В поле зрения Гурлин показалась рука, отодвигающая стакан к середине стола.

Она застыла с чайником в руках. Влить обратно? Но как? Этого она и ее новые сестры не обсуждали. У нее пересохло в горле. Мысленно она видела, как все уставились на нее — женщину, которая ослушалась мужчину, члена семьи, заставила мужа стыдиться. Она взяла стакан, поднесла прямо к носику и начала лить, разбрызгивая чай повсюду и уже почти в слезах, пока Май не сказала — точнее, гавкнула — ей в ухо: отнеси стакан на кухню и всё, а там стояли Мехар и Харбанс, кусая кулаки, чтобы не расхохотаться.

— Зря мы над тобой смеялись, — признала наконец Мехар. — Прости.

— Почему, ну почему я не подняла крышку?

— Запаниковала.

— Они подумают, что я глупа.

— Пусть думают что хотят.

— Я не позволю им считать себя идиоткой.

— Какой же у нее снобский язык! — замечает Харбанс.

Гурлин вздыхает и поднимает лицо к потолку. Закрывает глаза.

— Мне нужно подышать воздухом.

— Ну-ка ложись, — говорит Мехар, начиная уставать от стенаний Гурлин. — Давай. Возьми меня за руку.

Пауза.

— Это моя нога, — доносится со стороны Харбанс.

Они смеются. Мехар чувствует прилив храбрости. Она переворачивается под скрип грубых веревок чарпоя.

— Слушайте, а ваши с вами говорят? По-настоящему?

— Немножко, — осторожно отвечает Гурлин. — Он часто ругается. Не на меня. Просто себе под нос. А ваши?

— А ты знаешь, который твой?

— Нет конечно.

— Вообще-то можно просто узнать у Май, — произносит Мехар, как бы дразня Гурлин, которая, едва не поперхнувшись, спрашивает, не сошла ли та с ума.

— А мой назвал меня большой силачкой, — говорит Харбанс. — Во время этого. Хлопнул по заднице и назвал большой силачкой.

Все три прыскают, только у Харбанс выступают настоящие слезы, и она утирает глаза. Мехар дотрагивается до ее плеча.

— Мой больше молчит, — говорит она и вспоминает, как он назвал дом недобрым. Сиясь представить, каким все было раньше, когда тут жили только Май и трое братьев, она холодеет,

поняв, что совсем не слышит смеха. Ее глаза обращаются к закрытому окну, единственному в этой комнате из некрашеного камня. Окно не застеклено, черные лакированные планки ставней нужно поворачивать по очереди, вручную. Неужели Май тоже стояла у этого окна, когда была молода и только что вышла замуж?

— Вам обеим предстоит многому научиться, — произносит Гурлин, не упуская шанса хотя бы отчасти восстановить свое превосходство. Она снова ложится и устраивается поудобнее. — Где моя шаль? Я слышу комара.

— Держите, сестры, — говорит Мехар, и они берутся за концы шали.

Шаль вздымается и опускается парусом, закрывая их лица.

Это их второе воскресенье замужем, и за час до захода солнца Мехар, Гурлин и Харбанс влезают в какие-то старые одежды, поднимают гигантский плескучий чан и тащат во двор, на подстилку. Воздух в этот час упоительно теплый, духота прошла, и братья вне поля зрения. Они думают, что в такие вечера мужья ходят на базар, хотя им и об этом ничего не говорилось. Может, в карты играют, предполагает Мехар, как будто ей известно это занятие. Все три поддергивают шальвары и подвязывают старыми джутовыми веревками, обнажая ноги до коленей.

— Листья всплыли, — говорит Гурлин, ища способ отвертеться от рутинной задачи, тягостнее которой для нее только отмывать от грязи шпинат. Но Харбанс это не по нраву, она указывает, что в них еще полно чернил. Они берутся за руки, образуя треугольник, и ступают друг за другом внутри чана, а листья индиго выскальзывают у них из-под ног. Вода, словно отвечая на вопрос, подымается до икр, и ноги начинают работать, вверх-вниз-вверх-вниз, буруны бушуют и брызжут, краска выдавливается наружу. Женщины не разговаривают, достаточно того, что нужно держать равновесие, вода медленно темнеет, их одежда тоже, индиго окрашивает им ноги, брызжет на живот и лицо, но они не сбиваются с такта: вверх-вниз-вверх-вниз, минута за минутой, и только когда солнце уже зашло и всю светит луна, они расцепляют руки и сгибаются пополам, отдыхать.

— Через неделю опять, — говорит Харбанс, пока они волокут чан на место, к стене дома.

— Типун тебе на язык! Наверняка уже хватит! — причитает Гурлин.

Мехар молча берет ломкое мыло у колонки и принимается оттирать голубые полосы на ногах. Все равно хозяйка Май. Она сама решит, когда пора покрасить свадебные простыни, запачканные кровью, и вывесить сушиться.

## 5

— Мехар! Надо развести огонь!

— Да, Май, — вздыхает Мехар, отставив ведро с молоком, и проходит в дом; в голове роятся беспорядочные мысли.

Когда она выгребает золу, является Май и пинает бочку с мукой, чтобы проверить, много ли девушки берут для себя.

— Вы втроем лопаете больше мужчин, — говорит Май. — В следующий раз берите вдвое меньше.

— Как прикажете. Но мы съедаем всего...

— Хоть одна из вас уже понесла? — спрашивает Май, своеобразно меняя тему.

— Нет, Май.

Смелее, подбадривает себя Мехар, замедляя движения.

— Наверное, первой должна родить Гурлин. Она же старшая.

— Эта дура не знает, как обращаться с чайником.

Мехар делает глубокий вдох носом и медленно выдыхает ртом.

— Она и замужем тоже за старшим?

Мехар поднимает глаза: Май буравит ее взглядом, в котором читается жутковатое веселье, и не произносит ни слова.

— Нам необязательно это знать, — быстро говорит Мехар, горько жалея, что спросила.

— А ты уверена, что я каждый раз посылаю одного и того же сына? — Май уже не просто весела, а хохочет. — Ну и вид у тебя!

Она гладит ее по голове — Мехар ненавидит это движение, ничего материнского в нем нет.

— Да шучу я. Но ты права. Вам это знать необязательно.

Выражение ее лица меняется, улыбка тает.

— Скажите спасибо, что у вас нет свекра, который лапал и шупал бы вас каждую ночь.

Она легонько треплет Мехар по волосам: беседа окончена.

— Зола. Продолжай.

И Мехар продолжает со всем усердием, желая поскорее управиться и убежать отмыться, где-нибудь так на час. Если так себя чувствуешь, просто задав вопрос, больше их не задавай. Работай, и все. Она и работает, то есть они работают.

Разбивают сахарные головы. Собирают хлопок и гуаву. Сгребают навоз. Выгребают угли. Срезают мозоли у Май. Доят коров. Готовят еду и всё для этого. Красят шальвары. Отглаживают дхоти\*. Подметают двор. Поливают его водой. Высушивают двор. Натирают блюда. Ходят на рынок. Ходят в храм молиться о рождении сыновей и о долголетию мужьям. Дочиста отскребают каменную ванну от мха. Пришивают пуговицы. Кипятят чай. Принимают роды у коров. Убирают буйволиное дерьмо. Ходят испражняться среди высокой пшеницы, парами. Принимают ванну, когда еще не рассвело. Едят последними. Уходят к себе, чуть стемнеет. Каждая планка ставней повернута, окно захлопнуто, луна на небе, вуали прочь. И все равно еще темнее.

---

\* Традиционный вид мужской одежды. Представляет собой прямоугольную полосу ткани длиной от двух до пяти метров, обертываемую вокруг ног и бедер, с одним концом, пропущенным между ног.

— Ты уже привыкла к здешней жизни.

Большим пальцем он гладит ей щиколотку, взад и вперед, взад и вперед. Мехар щекотно и хочется отдернуть ногу, но нельзя. Она совсем его не видит. Он преступил порог и опустил колено на кровать в полной черноте. Когда он лег сверху, она отвернула лицо, как всякая порядочная жена. И все-таки он гладит ей щиколотку. Будто хочет что-то сказать. Или это ей следует заговорить? Нет. Нет. *Ты поймешь, когда открывать рот.*

— Мы ходили к священникам.

А. Дети.

— Жемчуг. Мне надо купить жемчужины. Положи их под кровать — и ты набухнешь. Расцветешь. Будет мальчик.

— Да, — произносит она, помедлив секунду.

Кажется, он то ли кивнул, то ли вздохнул. Прежде чем выйти, он обхватывает ее щиколотку рукой и сжимает.

Оставшись одна, Мехар поднимается со вздохом облегчения и снова собирает волосы в пучок. «Дети», — думает она и замирает в темноте, чтобы понять, каким ей видится будущее. С одной стороны, чем скорее родятся сыновья, тем прочнее положение в доме. Не все такие терпимые, как ее отец, не все мирятся с неспособностью жены рожать мальчиков и отказываются менять ее на другую, способную. С другой стороны, когда появится ребенок, прощайте, минуты покоя. Сейчас они

с Харбанс хотя бы могут спрятаться во дворе и украдкой вздремнуть в тени, пока нет Май. А как это сделаешь, если к тебе присосался ребенок? Мехар поднимает руку к горлу, как бы защищаясь, и словно только сейчас осознаёт, какая роскошь — одиночество. Еще минута, две, и пора будет идти; она покрывает голову чунни\*, чтобы моментально опустить вуаль, если понадобится. Открывает дверь и делает шаг — холодный мрамор остужает ноги, ее ноги. Внезапный прилив сил захлестывает ее: взлететь бы в ночное небо! Как трудно оставаться на земле, стоять в этой подкове двора, между тремя дверями, глядящими друг на друга! Вошел ли он в одну из них и в какую? Мехар спускается по двум ступенькам, ведущим из-под навеса веранды во внешний двор, где, она знает, надо пригнуться, потому что над головой шмыгают летучие мыши, и не свалиться в яму справа, идя по тропинке между сохнувшим на веревке бельем и составленными у стены чарпоями. Вход в фарфоровую комнату мрамором не выложен. Мехар впиается ногтями в единственное место на двери, за которое ее можно подцепить и открыть бесшумно. Все это она проделывает без ошибки и запинки, потому что в чисто утилитарном отношении (она ложится рядом с Харбанс) ее супруг был прав: она уже привыкла к здешней жизни, к своему мирку, который оказался ровно тем, с грустью вспоминает она, о чем ее предупреждал Монти.

---

\* Платок или шаль.



[Почитать описание, рецензии  
и купить на сайте](#)

Лучшие цитаты из книг, бесплатные главы и новинки:

